

DOI: 10.15393/j9.art.2012.350

Елена Алексеевна Гаричева,
*доктор филологических наук, доцент кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
филиал РГГУ в г. Великий Новгород
(Великий Новгород, Российская Федерация)*
sole11@ya.ru

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ СЛОВО И ТРАДИЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Аннотация: В статье рассматриваются книги «Русский инок» и «Алеша» романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» как тексты, созданные в агиографической традиции. Книга «Алеша» является продолжением «Русского инока» (включающего житие Зосимы) и началом нового жития, в основе которого домостроительство Алексея Карамазова. Обе книги следуют традиции древнерусской словесности и вбирают в себя такие речевые жанры, как исповедь, проповедь, торжественное слово, поучение, гимн, молитва, воспоминания ученика об учителе и духовное завещание. Особенностью книг «Русский инок» и «Алеша» являются звучащее слово и согласие со Словом Евангельским. Этим книгам противопоставляется поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор», находящаяся в диалогических отношениях несогласия или разногласия со Словом Евангельским. Здесь текст Евангелия не цитируется в первоначальном церковнославянском варианте, как в «Кане Галилейской», а пересказывается с добавлениями, вносящими дополнительный смысл.

Ключевые слова: система жанров, традиции древнерусской словесности, литургические традиции, жанр жития святого, роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

Вся система жанров словесности Древней Руси создается вокруг идеи спасения, или религиозного преобразования. Поскольку Образ Божий человеку дан в Спасителе, поэтому жанровую природу произведения древнерусской словесности определяет хронотоп, в котором сбывается «вечное Евангелие» [3, 96]. Преобразование, или обожение, человека происходит во время Евхаристии, поэтому литургические традиции проявляются в звучащем слове древнерусского книжника: в гимнографии, в молитвословной поэзии, в торжественном слове, в проповеди, в поучении, а также в хождении, в летописании и житии как синтетических жанрах, вбирающих в себя элементы других жанровых форм. Кульминацией литургии становится единение верующих вокруг Евангельского Слова: «Христос посреди нас».

Поскольку жанры являются наиболее устойчивыми литературными формами, то при переходе от древнерусской словесности к

литературе Нового времени иерархичность жанровых форм древнерусской словесности, объединенных евангельским словом, сохраняется в произведениях, созданных в русле православной литургической традиции. К таковым относится роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Необходимо отметить, что в черновиках к роману Ф. М. Достоевский упоминает создателя пасхальной службы Иоанна Дамаскина¹ и цитирует «Размышления о Божественной Литургии» Н. В. Гоголя, который, в свою очередь, следует апостольскому слову:

Образ Христа храни и, если сможешь, в себе изобрази (15, 248).

В окончательный текст романа входят слова о русских иноках, которые хранят традиции Апостольской Церкви и древнерусской словесности:

Образ Христов хранят пока в уединении своем благолепно и неискаженно, в чистоте правды Божией, от древнейших отцов, апостолов и мучеников, и, когда надо будет, явят его поколебавшейся правде мира (14, 284).

Основная мысль книги «Русский инок» — возможность религиозного преобразования в земной жизни:

Изменится плоть ваша. (Свет фаворский.) Жизнь есть рай, ключи у нас (15, 245).

Слова «жизнь есть рай» в жизнеописании Зосимы произносят его брат Маркел (14, 262), «таинственный посетитель» (14, 275) и сам Зосима (14, 272).

Книга «Русский инок» становится ответом на предшествующую книгу «Pro et contra», главный герой которой Иван Карамазов указывает на два источника своей поэмы «Великий инквизитор» — древнерусский апокриф «Хождение Богородицы по мукам» и «Божественную комедию» Данте. Оба этих произведения восходят, в свою очередь, к Откровению Иоанна Богослова и принадлежат к жанру видения. Именно поэтому герой Достоевского активно цитирует новозаветный источник. Когда же он обращается к православному богослужебному тексту, то, по замечанию комментаторов ПСС, искажает его (15, 557). Рассматривая переводы романа на немецкий язык, О. В. Кореневская заметила:

Стиль «поэмы» в лексическом и синтактико-ритмическом плане удивительным образом органичен немецкому языку. Это, пожалуй, самый «универсальный» в языковом отношении фрагмент из всего наследия Достоевского, не маркированный какой-либо определенной национальной окраской. Необходимо учитывать и жанровую близость произведения европейской традиции: неслучайно оно неоднократно было обозначено как «легенда», то есть жанр, исконно зародившийся в русле западноевропейской литературы [4, 11].

В поэме Ивана Карамазова слово великого инквизитора находится в диалогических отношениях несогласия или разногласия со

Словом Евангельским. Здесь текст Евангелия не цитируется, а пересказывается с добавлениями, которые вносят дополнительный смысл. Повествуя о первом искушении Христа в пустыне, великий инквизитор останавливается на словах «не хлебом одним будет жить человек», но вместо «всяким словом Божиим» (Лк. 4:4) говорит «хлебом небесным» (14, 230). Третье искушение великий инквизитор делает вторым, к словам нечистого духа добавляет: «...и докажешь, какова вера твоя» (14, 233). Образ Спасителя соотносится с человеком, с которым может произойти чудо при условии веры, но не с Богочеловеком. Третье искушение позволяет великому инквизитору высказать свою мысль о слабости человека, который тяготится свободой выбора:

...перед кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом всем соединиться в муравейник (14, 235).

Церкви как телу Христову великий инквизитор противопоставляет союз посвященных, которые под девизом «чудо, тайна, авторитет» ведут человечество за антихристом, создающим «земной рай».

Совершенно иначе выстраивается книга «Русский инок». Е. В. Крушельницкая утверждает, что источниками древнерусских житий святых являются духовные грамоты и исповеди, завещания-уставы игуменов и записки ученика о своем учителе [5, 169]. Исповеди в древних проложных житиях и автобиографических жанрах Древней Руси XVII в. могут иметь разную цель, биография подвижников подчиняется этой цели [5, 157]. «Русский инок» состоит из четырех частей и включает в себя такие жанровые формы, как исповедь, проповедь, торжественное слово, гимн, молитва, записки ученика и духовное завещание. Целью автобиографического повествования, включенного Алешей в житие Зосимы, является указание на то, как смирением и нестяжанием можно обрести путь к спасению и воплощению Замысла Божьего о мире. Пример брата, чтение Библии наставляют Зосиму на путь деятельной любви, история «таинственного посетителя», который обретает покой перед смертью благодаря Зосиме, становится для него «перстом невидимым», «путь указавшим» (14, 283).

М. А. Жиркова утверждает, что исповеди Ивана Карамазова в романе нет, исповедь же Зосимы строится по всем церковным правилам таинства покаяния [2, 71]. «Русский инок» — это продолжение жанровых поисков, которые начал Достоевский при создании «Жития великого грешника» и продолжил в романе «Подросток»: «Исповедь великого грешника, писанная для себя» (16, 48). В житии, как и в других жанрах Древней Руси, евангельское слово определяет путь святого. Так, в Житии Мартирия Зеленецкого духовное чадо Преподобного, принимая решение уйти в монастырь, говорит себе:

Добръ убо Владыка мой и Господь рече: «Аще и весь миръ приобрящетъ чело-
векъ, а душу свою отщегитъ, никакаяже полза ему есть, и индѣ никтоже, возложивъ
руку свою на рало и зря вспяты, управленъ будетъ во Царствие Небесное». Сего
ради возму крестъ свой и во слѣдъ пойду Спасителя, и Той ми поможетъ, и сов-
ричтуса учителю своему [5, 298].

В жизнеописании Зосимы такими словами становится цитата из Евангелия от Иоанна:

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода (12:24).

Эта цитата включается в проповедь Зосимы, обращенную к Алеше, во вступлении (14, 259) и в главе «Таинственный посетитель» в слове Зосимы, обращенном к Михаилу (281).

Кульминацией главы «Из жития в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы» является часть «О Священном Писании в жизни отца Зосимы». Здесь упоминается чтение библейских книг, раскрывающих смысл земной жизни: Книга Иова, притчи из Евангелия от Луки, Деяние Апостола Павла, Житие Марии Египетской, Житие Алексия человека Божия (14, 267). Воспоминание об участии в литургии Страстного Понедельника в детстве перерастает в слове Зосимы в пересказ Книги Иова и проповедь. Зосима так же, как Иван Карамазов, говорит о «тайне», но иной [6, 178] — о ней сообщает Апостол Павел в Послании Ефесянам:

Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (5:32).

Преображение личности — это воплощение Замысла Божьего о мире:

Но в том и великое, что тут тайна, — что мимоидущий лик земной и вечная истина соприкоснулись тут вместе. Пред правдой земною совершается действие вечной правды. Тут Творец, как и в первые дни творения, завершая каждый день похвалой: «Хорошо то, что я сотворил», — смотрит на Иова и вновь хвалится созданием своим. А Иов, хваля Господа, служит не только ему, но послужит и всему созданию его в роды и роды и во веки веков, ибо к тому и предназначен был (14, 265).

Заканчивается глава хвалой Божьего мира (гимном), благословением жизни и молитвой за людей. Слово в заключительной части главы строится как торжественное слово в древнерусском духовном красноречии — с анафорой, инверсией и эпифорой, синтаксическим параллелизмом (это свойственно и для библейских текстов), возникают также аллюзии к литургии.

Вторая часть Жития Зосимы — «Из бесед и поучений старца Зосимы» — по жанру напоминает духовное завещание или устав, подобный уставу Нилу Сорского [5, 70], который Достоевский цитировал в черновиках. Состоит из пяти глав, в которых Зосима обращается к той же проблеме, что и Карамазов Иван в «Великом

инквизиторе», — проблеме свободы. Несвободе людей, занятых удовлетворением своих потребностей и находящихся в разъединении, Зосима противопоставляет свободу и единение тех, кто идет путем Спасителя и Апостола Павла:

Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал. 5:22—23).

Зосима так же, как Иван, вспоминает Откровение Иоанна Богослова, но объясняет слова «времени более не будет» (14, 292—293) тем, что человек может не воспользоваться возможностью посвятить свою земную жизнь подвигу деятельной любви. Иллюстрирует свои слова Зосима притчей из Евангелия о богатом и Лазаре. Кульминацией второй части Жития Зосимы является глава «Можно ли быть судьей себе подобных? О вере до конца», где есть аллюзия к Евангелию от Матфея (18:20):

Верь до конца, хотя бы даже и случилось так, что все бы на земле совратились, а ты лишь единый верен остался: принеси и тогда жертву и восхвали Бога ты, единый оставшийся. А если вас таких двое сойдутся, то вот уж и весь мир, мир живой любви, обнимите друг друга в умилении и восхвалите Господа: ибо хотя и в вас двоих, но восполнилась правда его (14, 291).

Принесение жертвы — это Евхаристия, единение — собрание общины в тело Христово.

Книга «Алеша» является продолжением «Русского инока» и началом нового жития, в основе которого домостроительство Алексея Карамазова. Грушенька благодарит его за то, что он увидел в ней образ Божий и оказывается способна на такое же покаяние, как Мария Египетская:

Но на тебя глядя, положила: его проглочу. Проглочу и смеяться буду. Видишь, какая я злая собака, которую ты сестрой своей назвал! (14, 320).

В житии Марии Египетской ее рассказ о грешной жизни сопровождается покаянием:

...обнажу пред тобой и дела мои, чтобы ты знал, каким стыдом и срамом полна душа моя².

Ракитов включает жизненный сюжет с Алешей, Грушенькой и собой в евангельский контекст:

Что ж, обратил грешницу? Блудницу на путь истины обратил? Семь бесов, а? Вот они где, наши чудеса-то давешние, ожидаемые, совершились! (14, 324)

Это ты ведь теперь за двадцать пять рублей меня давешних «презираешь?» Продал, дескать, истинного друга. Да ведь ты не Христос, а я не Иуда (14, 325).

Таким образом, для Алеши, как когда-то для Зосимы, начинает выявляться его жизненное предназначение: помогать людям, быть «божьем человеком».

«Кана Галилейская» близка к жанру видения. Духовным посредником между горним и дольным миром становится Алеша Карамазов. Его посещает видение после молитвы, которую он творит, как это обычно происходит в житиях святых [5, 311]. Его слово взаимодействует с речами Зосимы, Дмитрия Карамазова и выстраивается вокруг Евангельского Слова. Алеша включает в соборный хор голосов, славящих Господа, слово брата Дмитрия. Д. Л. Башкиров замечает, что «чтение из Евангелия в главе "Кана Галилейская" в романе "Братья Карамазовы", приведенное именно на церковнославянском языке, не только точно передает дета ли обряда, а и указывает на сокровенную "архитектонику" внутренней жизни героя как абсолютное совпадение, слитие его душевных движений с ритмом и строем церковного пространства» [1, 407—408]. Символика радости и вина в «Братьях Карамазовых» связана с Евхаристией, которая является кульминацией литургии. Так, Ф. М. Достоевский показывает единение героев вокруг Евангельской Истины, как это происходит во время кульминации литургии, когда читается евхаристическая молитва. После молитвы и видения Алеша целует землю, как завещал ему Зосима (14, 291), и ощущает состояние покоя в Боге.

Храм — это соединение горнего и дольного, временного и вечно-го, линейного времени (от сотворения мира до Страшного суда) с церковным календарным кругом. «Кана Галилейская» становится прообразом Царствия Небесного во время обряда венчания, а также в иконописи, например в новгородской иконе XV в. «Евангельские сцены», где в сценах «Тайной вечери» и «Каны Галилейской» повторяется образ красной причастной чаши. Видение Алеши Карамазова коррелирует с Евангелием от Матфея, в котором говорится, что в Царствии Небесном «праведники воссияют, как солнце» (13: 43).

Чудо по вере происходит после молитвы Зосимы перед образом Пресвятой Богородицы, когда его «таинственный посетитель» готов был убить его, но не убил, а также после молитвы Алеши, когда его посещает видение Царствия Небесного, а в это время его брат Дмитрий, желая убить своего отца, не делает этого. Так, «пред правдой земною совершается действие вечной правды», как в древнерусских житиях святых.

Примечания

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 15. Л.: Наука, 1976. С. 230. Текст романа цитируется также по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. Далее в скобках указываются том и страницы.
- ² Житие преподобной матери нашей Марии Египетской. СПб.: Тригон, 2007. С. 16.

Список литературы

1. *Баширов Д. Л.* Евангельский текст в произведениях Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. Вып. 8: Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 5. С. 398—413.
2. *Жиркова М. А.* К вопросу о характере и роли исповедей в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Достоевский и современность: Тезисы выступлений на «Старорусских чтениях». Новгород, 1991. Ч. 2. С. 69—71.
3. *Захаров В. Н.* «Вечное Евангелие» в художественных хронотопах Достоевского // Достоевский и современность: Материалы XXIV Международных старорусских чтений 2009 года. Великий Новгород, 2010. С. 90—97.
4. *Кореневская О. В.* Репрезентация русского мира в немецких переводах романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 26 с.
5. *Крушельницкая Е. В.* Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб.: Наука, 1996. 366 с.
6. *Кунильский А. Е.* «Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф. М. Достоевского: Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 304 с.

Elena Alekseevna Garicheva

*Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Humanities and Social and Economic Sciences,
Veliky Novgorod branch
of the Russian State University for the Humanities
(Veliky Novgorod, Russian Federation)
sole11@ya.ru*

THE GOSPEL TEXT AND THE TRADITIONS OF OLD RUSSIAN LITERATURE IN DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARMAZOV"

Abstract: The article looks at two parts of Fedor Dostoevsky's *The Brothers Karamazov* — *A Russian Monk* and *Alyosha* — as texts written in the hagiographic tradition. *Alyosha* is a direct continuation of *A Russian Monk* (which includes the life of Zosima) and a start of a new *vita* centered on Alexei Karamazov. Both parts of the novel follow the traditions of old Russian literature, comprising the heritage of such spoken genres as confession, sermon, public address, homily, hymn, prayer, the disciple's memories of the mentor and the last will and testament. The two books of the novel are distinguished by the accent on spoken word and by the concord with the Gospel text. Thus, they are juxtaposed to Ivan Karamazov's 'poem' of *The Grand Inquisitor* which is in the dialogic relations of disagreement or discord with the Gospel text. The Gospel here is not quoted in the Church Slavonic as it happens in *Cana of Galilee*, but retold with additions which complement its meaning.

Keywords: genre system, Old Russian literature, liturgical traditions, *genre of vita sanctorum*, The Brothers Karamazov

References

1. Bashkirov D. L. Evangel'skiy tekst v proizvedeniyakh F. M. Dostoyevskogo [Evangelical Text in the Works of F. M. Dostoyevsky]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2008. Vol. 8: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII—XX vekov: tsitata, reminitsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature of 18th—20th Centuries: Quotation, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Issue 5, pp. 398—413.
2. Zhirkova M. A. K voprosu o kharaktere i roli ispovedey v romane F. M. Dostoyevskogo «Bratya Karamazovy» [On the Question of the Nature and Role of Confessions in Fyodor Dostoyevsky's Novel "The Brothers Karamazov"]. *Dostoyevsky i sovremennost': Tezisy vystupleniy na «Starorusskikh chteniyakh»* [Dostoyevsky and Modernity: Speech Thesis of the Studies in Staraya Russa]. Novgorod, 1991, part 2, pp. 69—71.
3. Zakharov V. N. «Vechnoe Evangelie» v khudozhestvennykh khronotopakh Dostoyevskogo [“Eternal Gospel” in the Creative Chronotopes of Fyodor Dostoyevsky]. *Dostoyevsky i sovremennost': Materialy XXIV Mezhdunarodnykh starorusskikh chteniy 2009 goda* [Dostoyevsky and Modernity: The Works of the 24th International Studies in Staraya Russa, 2009]. Veliky Novgorod, 2010, pp. 90—97.
4. Korenevskaya O. V. *Reprezentatsiya russkogo mira v nemetskikh perevodakh romana F. M. Dostoyevskogo «Bratya Karamazovy»*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Representation of the Russian World in the German Translations of Fyodor Dostoyevsky's Novel "The Brothers Karamazov". PhD. philol. sci. diss. abstract]. Tomsk, 2011. 26 p.
5. Krushelnitskaya E. V. *Avtobiografiya i zhitie v drevnerusskoy literature* [Autobiography and Hagiography in Old Russian Literature]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1996. 368 p.
6. Kunil'skiy A. E. «Lik zemnoy i vechnaya istina». O vospriyatii mira i izobrazhenii geroya v proizvedeniyakh F. M. Dostoyevskogo [“The Face of the Earth and the Eternal Truth”. On the Perception of the World and the Representation of Hero in the Works by Fyodor Dostoyevsky]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2006. 304 p.